

ских различиях для многотомной «Всеобщей истории», изданной под эгидой ЮНЕСКО, что лишил раз подчеркнуло международный авторитет Дмитрия Алексеевича.

Существенный вклад внес Д. А. Ольдерогге в изучение феномена родства и специфики семейно-брачных отношений в архаических обществах, причем он не только исследовал конкретные системы родства и свойства африканских народов, но и разрабатывал подходы к решению ряда теоретических проблем, в частности, он, вслед за У. Риверсом и А. Р. Рэдклифф-Брауном, окончательно установил истинное место малайского типа в исторической типологии систем родства и, основываясь на обширных африканских и европейских материалах, показал процесс возникновения малайских (генерационных) систем как результат упрощения турано-ганованских. Кроме того, Д. А. Ольдерогге продемонстрировал взаимосвязи классификаторских и описательных систем терминов родства с конкретными формами социальной организации, а также весьма последовательно проводил разграничение понятий «система родства» и «счет родства», что позволило ему опровергнуть аргументацию теоретиков матриархата, использовавших некорректную интерпретацию этимологий ряда терминов родства. В целом, работы Д. А. Ольдерогге способствовали совершенствованию подходов к использованию терминологии родства в качестве источника этносоциологической информации при первобытноисторических реконструкциях, а сам он по праву считался крупнейшим авторитетом в этой области исследований.

Большое внимание привлек и цикл работ Д. А. Ольдерогге по методике использования лингвистических данных в качестве исторического источника, прежде всего, для реконструкции истории бесписьменных народов. Суть его подхода заключается в том, что лексические подсистемы — системы терминов родства, счета времени, мер, весов, названия орудий труда, оружия, предметов быта, растений, домашних животных и т.д. — определяются не только структурой языка, но и уровнем социального развития, а также спецификой этнокультурных контактов.

Заметным событием начала 1950-х годов стало появление и таких фундаментальных трудов, созданных при участии Д. А. Ольдерогге, как «Народы Африки» (первый том в серии «Народы мира. Этнографические очерки»), «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма» и «Очерки общей этнографии», которые сразу же были переведены на многие иностранные языки.

По инициативе Д. А. Ольдерогге была начата подготовка и публикация в СССР комментированных переводов древних и средневековых источников по истории и этнографии Африки южнее Сахары. Были

изданы три тома арабских источников, три тома эфиопских, том китайских, а также ряд статей по античным и суахилийским источникам. Почти все эти работы вышли под научной редакцией Д. А. Ольдерогге.

Нельзя также не отметить, что во время всех своих путешествий по Африке (Египет, Мали, Сенегал, Эфиопия) Д. А. Ольдерогге неизменно собирал этнографические коллекции, которые теперь хранятся в фондах МАЭ. На протяжении всей своей жизни он постоянно занимался музейной работой, публиковал исследования по материальной культуре африканских народов («Глиняные фигурки из Юго-Западной Абиссинии», «Женская статуэтка племени бага», «Фигурки предков племени барии», «Земледельческие орудия Западного Судана», «Древности Бенина»), заботился о пополнении африканских фондов МАЭ новыми экспонатами, руководил реорганизацией экспозиций зала Африки МАЭ в 1935, 1939, 1946 и 1964 гг., а также подготовкой ряда временных выставок («Абиссинская выставка» 1935 г., «Эфиопские коллекции, собранные русскими путешественниками» 1959 г., «Искусство народов Тропической Африки» 1962 г., «Африканские коллекции русских путешественников» 1964 г., «Народы Африки южнее Сахары» 1966 г. в Москве и др.). Дмитрий Алексеевич по праву считался знатоком этнографического музееведения.

А. Б. Шлуинский

АКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ЯЗЫКА СУСУ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПОКАЗАТЕЛЕМ *BARA*¹

Предметом рассмотрения в настоящей работе является семантика одного из аналитических глагольных показателей языка сусу, показателя *bara*, и то, как его семантическое поведение позволяет выявить акциональную классификацию глагольных значений, представленную в этом языке. Введение содержит необходимые теоретические сведения о том, какие аспектуальные категории представлены в системах различных языков, и о том, как семантические свойства глагола предопределяют конкретные интерпретации этих категорий. В разделе 1 кратко характеризуется глагольная система языка сусу в целом и сообщаются предварительные сведения о показателе, выбранном в качестве основного предмета рассмотрения. В разделе 2 описываются акциональные

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ №05-04-04149а и в рамках проекта по гранту РФФИ №№05-06-80258а.

классы глаголов сусу, выделяемые на основании сочетаемости с показателем *baga*. В разделе 3 обсуждается обнаруженная система акциональной классификации. Наконец, в заключительном разделе сообщаются диахронические сведения о *baga* и соотношение этих сведений с описываемой в статье его семантикой. Язык сусу относится к центральной группе западной ветви семьи манде (образует подгруппу самого дробного уровня с языком джалонке). Основными грамматиками этого языка являются [Howis 1963] и [Toure 1994]. В настоящей работе использован как материал этих работ, так и собственный материал автора, полученный от носителя сусу Умара Камара (Гвинея), которому автор выражает свою глубочайшую благодарность, в Москве в 2004 г.

Введение: аспектуальные категории и акциональная классификация глагольной лексики

Аспектуальные категории в языках мира и их значения находятся в сфере самого пристального внимания как языковедов, специализирующихся на отдельных группах языков, так и лингвистов-типологов, в течение последних трех десятилетий. Речь идет об обширном «семействе» глагольных категорий (в первую очередь словоизменительных, но также и деривационных), характеризующих с той или иной точки зрения способ протекания ситуации. Литература по аспектологии крайне обширна; в связи с этим укажем лишь на некоторые наиболее обобщающие работы, характеризующие возможные системы аспектуальных категорий в целом: см. [Comrie 1976], [Маслов 1978], [Coseriu 1980], [Плунгян 1997] и многие другие.

Согласно ряду классификаций аспектуальных значений, основным в этой сфере является противопоставление между количественным и фазовым аспектом — ср., в частности, [Плунгян 1997]. Количественные аспектуальные значения (см., например, [Храковский (ред.) 1989]) характеризуют число наступлений ситуации либо повторение идентичных друг другу фаз в ее внутренней структуре. Фазовые аспектуальные значения сообщают о наступлении либо одной ситуации в целом, либо ее отдельных фаз. В рамках фазового аспекта основной семантической оппозицией является наиболее изученная «самостоятельно видовая», противопоставляющая перфектив (рассмотрение завершенной ситуации в целом) vs. имперфектив (рассмотрение длящейся фазы ситуации «изнутри»). Кроме того, к числу фазовых аспектуальных значений относится и результативно-перфективная зона (к которой принадлежит и рассматриваемый нами показатель *baga*), охарактеризованная в первую очередь [Anderson 1982], [Недялков, Яхонтов 1983], [Bybee et al. 1994: 51–105]. Специфика категории результатива состоит в том, что, с одной стороны, описывается стативная фаза ситуации в настоящем, эта фаза непосред-

ственно связана с некоторой другой фазой ситуации, отнесенной к прошлому, потому что представляет собой ее результат. Характерно, что с точки зрения «самостоятельно видовой» оппозиции результатив относится к числу имперфективных категорий: описывается единая длящаяся фаза ситуации, синхронная точке отсчета, но при этом предшествующая этой фазе точка ее наступления также оказывается существенной. Категория перфекта семантически может характеризоваться как ослабленный результатив, однако в данном случае акцентируется уже завершенная ситуация в прошлом, имеющая, однако, релевантные последствия в настоящем. Диахронически перфективная категория перфекта развивается именно на базе результатива (далеешним шагом в эволюции таких категорий является общий перфективный претерит).

Начиная с написанных независимо друг от друга около полувека назад классических статей [Маслов 1948] и [Vendler 1957], известно, что аспектуальные категории (и в первую очередь фазовые аспектуальные категории) наиболее тесным образом связаны с таксономической классификацией глагольной лексики в естественном языке. Поскольку каждая различные ситуации устроены по-разному в реальном мире и — что наиболее существенно — по-разному представлены в семантике соответствующих им глагольных лексем естественного языка, фазовые аспектуальные категории «вычленяют» разные фазы у разных ситуаций. За счет этого поведение аспектуальных категорий оказывается, помимо прочего, удобным инструментом для выявления идентичных и неидентичных друг другу ситуаций с точки зрения того, как эти ситуации представлены в том или ином конкретном естественном языке. Терминологически устоялось противопоставление между аспектом (видом, аспектуальной категорией) и акциональным (аспектуальным) классом глагола, с которым аспектуальная категория вступает в семантическое взаимодействие.

Изучение акциональных классификаций глагольной лексики ведется в настоящее время весьма активно многими исследователями (ср. [Smith 1991], [Падучева 1996], [Татевосов 2005] и мн. др.). Однако, с одной стороны, языковой материал, используемый в этих исследованиях, остается весьма ограниченным, в частности, очень мало задействованы языки Африки (принадлежащие ко многим языковым семьям). При этом неоднократно показано (см., например, [Johanson 1999], [Татевосов 2005]), что акциональная классификация глаголов отнюдь не универсальна, а варьирует от языка к языку (следовательно, ее исследование на материале «новых» языков вносит весомый вклад не только в языкознание этих языков, но и в общую лингвистическую теорию). С другой стороны, в исследованиях по акциональности в основном рас-

сматривается поведения «чистых» «с собственно видовых» категорий (перфективы или имперфективы); при этом особо интересно поведение аспектуальной периферии. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы начать заполнение обоих указанных пробелов.

Категории результативно-перфективной семантической зоны особенно интересны в плане своего взаимодействия с акциональным классом глагола. «Канонический» (см. [Недялков, Яхонтов 1983]) результатив непосредственно связан с противопоставлением предельности vs. непредельности глагола: естественный результат есть только у ситуации, ограниченной естественным пределом. Тем не менее, существуют разные пути расширения результатива на всю систему глагольной лексики (см., в частности, [Плунгян 1989]). Одна из возможностей состоит в том, что все стативные глаголы рассматриваются как частный случай результатирующего состояния (см., например, [Лютикова и др., в печ.] на материале карачаево-балкарского языка). Показатель *bara* в языке сусу также показывает нетривиальное взаимодействие со стативами, которое будет описано ниже.

*1. Глагольная система языка сусу и употребление показателя *bara**

Глагольная система языка сусу была охарактеризована как система в недавней работе [Плунгян, Урманчиева, в печати]. Глагол сусу способен присоединять следующие граммемы (охарактеризуем кратко и условно их употребление).

– Прогрессив (с суффиксальным показателем *-fə*) описывает единичную дляящуюся ситуацию, одновременную моменту речи (или, в сочетании с Ретроспективом, одновременную точке отсчета в прошлом).

– Хабитуалис-Футурум (с суффиксальным показателем *-ta*), описывающий регулярно наступающую ситуацию или ситуацию, отнесенную к временному плану будущего.

– Перфект (с суффиксальным показателем *-xi*), описывающий ситуацию в прошлом, но релевантную для настоящего.

– Ассертив (с постпозитивным показателем *pe*), описывающий завершенную и коммуникативно выделенную ситуацию в прошлом (либо, в сочетании с Хабитуалисом-Футурумом, в будущем).

– Результатив (с препозитивным показателем *bara*), описывающий либо завершенную ситуацию в прошлом, либо результатирующую фазу ситуации в настоящем.

– Ретроспектив (с препозитивным показателем *ni*), относящий ситуацию к временному плану прошлого с сохранением видо-временного значения уже имеющегося показателя.

Кроме того, имеется граммема Консектива (препозитивный показатель *paha*), Конъюнктива-Оптатива (препозитивный показатель *xa*),

Императива (с нулевым показателем), Прохабатива — отрицательного Оптатива (с препозитивным показателем *pata*), Отрицания (показатель *ti*). Перечисленные показатели не сочетаются друг с другом, за исключением того, что Ассертив способен сочетаться с Хабитуалисом-Футурумом и Перфектом, а Ретроспектив и Отрицание, напротив, сочетаются со всеми элементами парадигмы.

Яркая специфика показателя *bara* (который мы назвали Результативом и который характеризуется как “*inchoatif*” в [Houïs 1963: 119–120], как один из показателей группы “*parfait*” в [Touge 1994: 245] и как “терминатив”¹ в [Плунгян, Урманчиева, в печати]) состоит в том, что он представляет собой промежуточный случай между результативом и перфектом (и, тем самым, между имперфективом и перфективом). Большая часть его употреблений соответствует завершенной ситуации в прошлом (как в (1)), но в сочетании с некоторыми стативными и непредельными динамическими глаголами описывается ситуация, одновременная с моментом речи (2). Как правило, в обоих случаях высказывание с *bara* несет в себе содержит дополнительную информацию о том, что ситуация имеет место ранее некоторой ожидаемой нормы (т. е. приблизительно соответствует русскому *уже*)², однако это семантический компонент никак не влияет его аспектуальную интерпретацию и на временной план описываемой ситуации:

(1)	mēngē	<i>bara</i>	faxa.
	вождь	BARA	умирать

Вождь (уже) умер.

(2)	m	<i>bara</i>	gaxo	<i>bare</i>	уга.
	я	BARA	бояться	собака	перед

Я (уже) боюсь собаки.

Следует также для полноты картины упомянуть презентное употребление *bara* иного характера — употребление *ego bara* в перформативных высказываниях (т. е. высказываниях, описывающих сам факт своего произнесения), как в (3):

(3)	m	<i>bara</i>	yī	diore	xili	fi
	n	tara	та.			
	я	BARA	этот	ребенок	имя	дать

¹ Термин принадлежит И. С. Аксеновой [Аксенова 1997: 104] и активно используется ею при описании сходных показателей языков группы банту.

² Именно этот семантический компонент отличает «терминативы» от стандартных перфективных/перфектных показателей.

Я даю этому ребенку имя моего старшего брата

Круг употреблений показателя *bora*, таким образом, представляется типологически не самым стандартным¹; в настоящей работе, помимо выполнения необходимой описательной задачи в изучении сусу, вводятся в лингвистический обиход сведения о взаимодействии такого рода аспектуальных форм с лексическими свойствами глагола: очевидно, что дистрибуция употреблений типа (1), (2) и (3) лежит, прежде всего, в области лексических значений. Ниже предлагается попытка ответить на вопрос о том, в каких случаях и по какой причине имеет место *bora* или другая аспектуальная интерпретация *bora*, или, иными словами, каково основание таксономической классификации глаголов, влияющей на выбор аспектуальной интерпретации

В качестве одного из инструментов исследования акционального поведения глагола использован классический аспектуальный тест, предложенный еще в [Vendler 1957]. Была проверена сочетаемость глагола с показателем *baga* с обстоятельствами длительности типа ‘за время X’ / ‘в течение времени X’ (в сущу оба значения выражаются бесподложной количественной группой): значение ‘за время X’ может квантифицировать предельную ситуацию в прошлом, тогда как значение ‘в течение времени X’ — непредельную ситуацию в настоящем. Использование этого теста подтверждает, в частности, интуицию о различной временной референции предложений с *baga*, показанную на примерах (1)–(2). Например, в (4) в ряде случаев это обстоятельство, несомненно, квантифицирует завершенную ситуацию в прошлом, тогда как в (5) — длящуюся ситуацию в настоящем:

- (4) n tara bara nade rabi
 militi firin.
 я старший брат BARA дверь открывать
 минута два
Мой старший брат открыл дверь за две минуты.

Мой старший брат открыл дверь за две минуты

- (5)   m   bara   wa   militi   sirin
          я   BARA   плакать минута два

Я плачу (уже) две минуты.

В следующем разделе предлагается описание основных акциональных классов глаголов сусу, выделяемых на основании различий в поведении глагола в сочетании с рассматриваемым показателем: к рас-

¹ Хотя, разумеется, никак нельзя назвать его уникальным. Так, например, очень сходным образом ведет себя Перфект в языке хауса, см. [Щеглов 1970: 51].

419

смотрению также привлекается показатель Перфекта на *-xí* как семантически наиболее близкий к *bara*.

2. Акциональные классы глаголов сусу

Наиболее частотным и наиболее простым случаем среди зафиксированных употреблений показателя *baga* являются его употребления с предельными глаголами. Семантика предельных глаголов (составляющих несомненно большинство в целом среди глагольной лексики сузу) состоит в том, что они описывают процесс, имеющий естественное и предопределенное значением глагола завершение, наступающее после достижения результирующего состояния. В сочетании с такого рода глаголами *baga* имеет однозначную перфективную интерпретацию: в (6)–(9) описывается завершенное достижение естественного предела в прошлом:

- (6)   m   bara   yi   kitabui   хаган.
           я   BARA   этот   книга   читать

Я прочитал эту книгу.

(7)   mənge   bara   fa.
           вождь   BARA   приходить

Вождь приехал.

(8)   a   xa   banxi   bara   dun   xogo.
           он   POSS   дом   BARA   гореть   вчера

Его дом сгорел вчера [Houïs 1963: 58].

(9)   soge   bara   dula.
           солнце   BARA   исчезать

Солнце ушло [Houïs 1963: 72].

2.2. Непредельные динамические глаголы: перфективная vs. имперфективная интерпретации

Семантика непредельных динамических глаголов состоит в том, что описывается процесс, принципиально не ограниченный достижением какого-либо результирующего состояния. Взаимодействие с показателем *baga*, однако, показывает, что в действительности в языке сусу представлен не единый акциональный класс непредельных динамических глаголов, а два — в зависимости от того, перфективная (претеритальная) или имперфективная (презентная) интерпретация *baga* имеет место с данным глаголом.

Первый акциональный класс среди непредельных динамических глаголов, который можно назвать **собственно непредельным**, характеризуется тем, что соответствует динамическим ситуациям, не содержащим ни одной смены фазы (иными словами, процессам, не предполагающим

гающим как естественного результирующего состояния, так и естественной начальной точки). При сочетании с глаголами этого класса показатель *baga* имеет стабильную перфективную интерпретацию и описывает просто факт завершения процесса (даже, несмотря на то, что это завершение не приводит ни к какому естественному результату):

- (10) а *baga* *sonxo*.
он BARA кричать

Он крикнул.

- (11) а *baga* *fode* *bəmbo*.
он BARA Фоде быть

Он побил Фоде [Toure 1994: 37].

- (12) *i-tannan* *baga* *e* *ma-fen*.
ты-FOC BARA они DISTR-искать

Это ты их искал [Houis 1963: 72].

Второй акциональный класс среди непредельных динамических глаголов, который мы (в соответствии с представленной в работах по аспектологии терминологией) будем называть **ингрессивным**, характеризуется тем, что описывается «результирующий» процесс, наступивший после успешного завершения некоторого другого процесса (как, например, описываемый в (13) процесс ‘кипеть’ является результатом предшествующего процесса ‘закипать’). В сочетании с ингрессивными глаголами показатель *baga* имеет презентную имперфективную интерпретацию, соответствующую динамической фазе ситуации, как в (13) (см. также представленный выше пример (5)):

- (13) *ye* *baga* *satun* *militi* *təxəjep*.
вода BARA кипеть минута двадцать

Вода кипит (уже) двадцать минут.

Интересно, что презентная динамическая интерпретация *baga*, характерная именно для данного акционального класса, имеет ясную корреляцию с собственно ингрессивной интерпретацией Перфекта на *-x̥i*. Перфект этих глаголов описывает как раз наступление в прошлом непредельной динамической ситуации:

- (14) *ye* *satun-xi-pe* *militi* *təxəjep*.
вода кипеть-PFCT-ASS минута двадцать

Вода закипела за двадцать минут.

2.3 Стативные глаголы:

перфективная vs. имперфективная интерпретация

Стативными принято называть глаголы, описывающие ситуацию, в центре которой находится фаза состояния (то есть, «терминальная» фаза, не предполагающая дальнейших изменений в ситуации и, в частности, не предполагающая какого-либо определенного завершения).

Стативные глаголы, как показывает наш материал, также образуют в сису два различных акциональных класса: как и в случае непредельных динамических глаголов, для части стативов показатель *baga* имеет перфективную интерпретацию, а для части — имперфективную. Первый акциональный класс стативных глаголов, который мы назовем **инцептивным**, характеризуется тем, что описывается состояние, наступившее в результате достижения естественного предела некоторым подготовительным процессом, иными словами, подразумевающее определенную начальную точку. В сочетании с показателем *baga* инцептивные глаголы имеют перфективную интерпретацию, как раз этой начальной точке соответствующее: описывается как раз наступление состояния, составляющего основное лексическое значение глагола, ср. (15)–(16):

- (15) а *baga* а *nga* *to*.
он BARA он мать видеть

Он увидел свою мать [Houis 1963: 13].

- (16)m *baga* *sa* *sade* *ta* *militi* *firin*.
я TERMIN лежать кровать к минута два

Я лег на кровать за две минуты.

Для инцептивных глаголов характерно также специфическое поведение Перфекта на *-x̥i*, состоящее в том, что в данном случае Перфект имеет имперфективную интерпретацию, описывая состояние в настоящем; если в (16), с показателем *baga*, речь идет о наступлении в прошлом стативной фазы ситуации ‘сидеть’, то в (17), с Перфектом, мы видим саму эту фазу:

- (17) *n* *sa-xi* *sade* *ta*.
я лежать-PFCT кровать к

Я лежу на кровати.

Второй акциональный класс стативных глаголов, который естественно назвать **собственно стативным**, включает стативные глаголы, описывающие ситуации, не предполагающие никакой смены фаз, а включающие единственную фазу состояния. Если состояние, описываемое инцептивными глаголами, наступает после окончания подготовительной фазы, то состояние, описываемое собственно стативными глаголами, не предполагает способа выражения его начальной точки. В сочетании с собственно стативными глаголами показатель *baga* имеет презентную имперфективную интерпретацию, соответствующую единственной фазе состояния:

- (18) *m* *baga* *luga*.
я BARA наесться

Я *сыт* [Houïs 1963: 120]¹.

- (19) а b^elexe bara gira.
он рука BARA ломать

Его рука сломана [Toure 1994: 127].

- (20) banxi sabi bara lwe.
дом ключ BARA потеряться

Ключ от дома потерян [Toure 1994: 128].

Существенно при этом, что, несмотря на отсутствие в значении самих собственно стативных глаголов фазы наступления состояния, предложение с показателем *bara* предполагает, что состояние все же наступило (и наступило преждевременно) в результате каких-либо событий (однако эти события не являются лексически заданными, и на сам факт их наличия в данном случае указывает не лексическое значение, а значение грамматического показателя). Так, в примере (21) собственно стативный глагол в сочетании с *bara* соответствует состоянию, «уже» наступившему, тогда как в (22) тот же глагол, сочетаясь с формой Прогрессива, соответствует актуальному, одновременному моменту речи состоянию, никак не охарактеризованному с точки зрения времени его наступления:

- (21) т b^elexe bara п хопо.
я рука BARA я болеть

У меня уже рука болит {например, после долгого бросания мяча}.

- (22) т b^elexe па п хопо-fe.
я рука есть я болеть-PROGR

У меня болит рука.

Собственно стативные глаголы характеризуются также тем, что форма Перфекта для них является в принципе затрудненной; согласно интуиции информанта, предложения типа (23) неприемлемы:

- (23) ??т b^elexe п хопо-xi.
я рука я болеть-PFCT

3. Организация акциональной классификации глаголов сусу

Таким образом, на рассмотренном материале выделяются пять акциональных глаголов сусу. Вполне вероятно, что при привлечении материала, демонстрирующего поведение других аспектуальных показателей, может быть построена более дробная классификация; тем не менее, нам представляется неслучайным то, что выделенные нами в основном на материале поведения показателя *bara* акциональные классы

¹ Приведем в данном случае французский перевод этого примера в [Houïs 1963], более точно отражающий значение предложения (18): *Je suis rassasié*.

имеют, как мы показали, различия и в поведении Перфекта. Повидимому, во всяком случае, данные пять акциональных классов можно считать основными в акциональной классификации и демонстрирующими ее системную организацию.

На рисунках 1–5 каждому акциональному классу сопоставлена схема, показывающая состав фаз соответствующих типов ситуаций в языке сусу. Горизонтальные линии на схемах соответствуют не предполагающим изменения с течением времени фазам состояния, а наклонные — изменяющимся во времени фазам процесса. Стыки различных линий соответствуют «кульминационным» моментам перехода от одной фазы к другой. Знаком помечается тот фрагмент ситуации, который соответствует интерпретации показателя *bara* с глаголами соответствующего акционального класса.

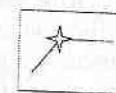

Рис. 1.
Предельные

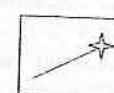

Рис. 2.
Непредельные

Рис. 3.
Ингрессивные

Рис. 4.
Инцептивные

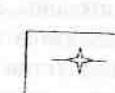

Рис. 5.
Стативные

Перечислим еще раз основные акциональные классы языка сусу.

— Класс предельных глаголов (как, например, *fa* ‘приходить’), соответствующий рисунку 1. Ядром в семантике глаголов данного класса является предельная динамическая фаза, ограниченная естественным пределом. Достижение этого естественного предела соответствует интерпретации *bara* в сочетании с этими глаголами.

— Класс непредельных динамических глаголов (как, например, *bətəbə* ‘искать’), соответствующий рисунку 2. Данные глаголы обозначают ситуацию, состоящую из единственной динамической фазы. Показатель *bara* в сочетании с глаголами данного класса описывает завершение этой фазы в прошлом.

— Класс ингрессивных глаголов (как, например, *satip* ‘кипеть’), соответствующий рисунку 3. Ядром в семантике глаголов данного класса является непредельная динамическая фаза, однако также представлена и динамическая фаза, предшествующая ей. Показатель *bara* в сочетании с ингрессивными глаголами описывает центральную динамическую фазу в настоящем.

— Класс инцептивных глаголов (как, например, *sa* ‘ложиться/лежать’), соответствующий рисунку 4. Ядром в семантике глаголов данного класса является фаза состояния, однако также представлена и

динамическая фаза, предшествующая ей. Переход от динамической фазы к стативной, то есть наступление центральной фазы состояния, описывается в сочетании с данными глаголами показателем *baga*.

Класс стативных глаголов (как, например, *xopo* ‘болеть (о части тела)’), соответствующий рисунку 5. Данные глаголы обозначают ситуацию, состоящую из единственной фазы состояния. Показатель *baga* в сочетании с глаголами данного класса описывает эту единственную фазу.

С точки зрения организации ситуаций, соответствующих указанным акциональным классам, обращает на себя внимание тот факт, что предельные и инцептивные глаголы, строго говоря, имеют полностью тождественный набор фаз. Тем не менее, разница между этими двумя классами представляется как семантически, так и системно прозрачной. С одной стороны, семантически для предельных глаголов в центре внимания находится предельный процесс (ведущий к результирующему состоянию), тогда как для инцептивных — состояние (возникшее в результате завершения подготовительной фазы). С другой стороны, с точки зрения других аспектуальных показателей данные два класса ведут себя по-разному: предельные глаголы, сочетаясь с Перфектом, описывают достижение предела, тогда как инцептивные — состояние. Тем не менее, сходное поведение глаголов этих двух классов потребует дальнейшего изучения.

С точки зрения организации акциональной системы в целом, яркое своеобразие языка сусу следует отметить в сфере резко асимметричного поведения ингрессивных глаголов в сопоставлении с инцептивными и, соответственно, непредельными динамическими глаголами в сопоставлении со стативными. Если для динамических глаголов предложение с показателем *baga* имеет презентную имперфективную интерпретацию, в том случае, когда в семантике глагола есть подготовительная фаза, то для стативных, напротив, презентная имперфективная интерпретация имеет место, напротив, когда подготовительная фаза отсутствует. За счет этого непредельные динамические ситуации, в отличие от стативных, в сочетании с *baga* рассматриваются как завершенные в целом, а переход к результирующему состоянию описывается совсем иными средствами, чем переход к результирующему процессу.

Вместо заключения: диахронико-типологическая загадка

Разумеется, многие представленные в настоящей работе выводы имеют предварительный характер и требуют проверки на куда более обширном материале. С другой стороны, сделанные нами обобщения оставляют без ответа ряд вопросов. Прежде всего, требуется более ясное описание семантики самого показателя *baga* в таком виде, чтобы его

«выбор» тех фаз, какие выбираются для каждого акционального класса, оказывался интуитивно очевидным.

Кроме того, хотелось бы упомянуть и о «внешней» по отношению к данной теме проблеме, которая, тем не менее, представляется неразрывно связанный с предыдущим вопросом: как соотносится синхронное употребление показателя *baga* с его лексическим происхождением? Показатель *baga* возводится в [Vydrene 1999] (см. также [Lüpke 2005: 123]) к глагольной лексеме со значением ‘заканчивать’. Значения типа ‘заканчивать’ являются, как известно, весьма характерным лексическим источником для показателей семантической зоны перфекта. Однако в [Bybee et al. 1994] показано, что типологически характерно (и интуитивно крайне естественно), чтобы предельные лексические источники перфекта (в первую очередь, как раз ‘заканчивать’) в качестве первой стадии грамматикализации имели значение комплетива (перфективно рассмотренного достижения предела), а не результатива (первой стадии грамматикализации непредельных лексических источников перфекта). Иными словами, лексическое значение ‘заканчивать’ ведет к перфекту минуя стадию результатива, а тем самым — минуя стадию специфического имперфективного показателя с референцией к настоящему. Исходя из этого следует предположить, что результативные/имперфективные употребления *baga* являются инновацией, возникшей уже после грамматикализации *baga* в перфект. Но эта гипотеза, в свою очередь, оказывается проблематичной, потому что впрямую противоречит разработанному в теории грамматикализации (см., в частности, [Bybee et al. 1994]) принципу односторонности семантических переходов (имеется в виду, что если зафиксирован типологически устойчивый семантический переход от одного значения к другому, то, как правило, невозможен обратный переход от второго к первому): переход от результатива к перфекту общизвестен. Решение данной загадки остается делом будущего, и возможно, что именно оно прольет свет на дистрибуцию частных интерпретаций предложений с *baga*.

Литература

- Anderson L. The perfect as a universal and as a language particular category. // Hopper P. (ed.) Tense and aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1982.
 Bybee J. L., Perkins R., Pagliucca W. The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
 Comrie B. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

- Coseriu E. Aspect verbal ou aspects verbaux? // David J., Martin R. La notion d'aspect. Metz: Université de Metz, 1980.
- Houis M. Etude descriptive de la langue susu. Dakar, 1963.
- Johanson L. Typological notes on aspect and actionality in Kipchak Turkic // Abraham W., Kulikov L. (eds.). Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam – Philadelphia, 1999.
- Lüpke F. A grammar of Jalonke argument structure. Ph.D. Proefschrift. Nijmegen, Radboud Universiteit, 2005.
- Smith C. The Parameter of Aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991.
- Toure A. Eléments de description de la langue soso. Thèse de doctorat. Grenoble, 1994.
- Vendler Z. Verbs and Times. // The Philosophical Review 66, 1957.
- Vydrine V. Manding-English Dictionary. Vol. 1. St.-Petersburg: D. Bulanin, 1999.
- Аксенова И. С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М., 1997.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлунинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., в печати.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. 7.4, 1948.
- Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Недялков, В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Плунгян В. А. К определению результатива (универсальна ли связь результата и предельности?) // Вопросы языкознания, №6, 1989.
- Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем // Черткова М. Ю. (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, том 1. М.: Издательство Московского университета, 1997.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // Актуальные проблемы африканского языкознания. К 40-летнему юбилею отдела африканских языков Института языкознания. М., в печати.

- Татевосов С. Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания, №1, 2005.
- Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Щеглов Ю. К. Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука, 1970.

A. В. Яковлев

КАК МЕНЯЕТСЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАМИБИИ

1) В широком спектре научных интересов приснопамятного Андрея Алексеевича Жукова не последнее место занимала динамика языковой ситуации в ЮАР. С опорой на труды южноафриканских коллег, прежде всего Уэбба и — в немалой степени — на собственные полевые наблюдения, он, в частности, показал, что среди 11 языков, объявленных в этой стране официальными, “африкаанс и английский являются официальными языками на национальном уровне..., 9 других — официальными языками на региональном уровне” [Жуков 1999: 160]. Южная Африка и Намибия — в некотором смысле страны-близнецы. В силу исторических причин многие процессы здесь долгое время развивались параллельно и даже синхронно. И тот факт, что после ликвидации апартеида в первой половине 90-х годов минувшего века эти две страны пошли в своей языковой политике противоположными путями, делает Намибию особенно интересным объектом изучения для лингвиста-южноафриканца — о чем автору уже доводилось писать [Яковлев 1995а; 1995 б]. Хотя в рамках этого доклада и не ставится цель сравнительного анализа социолингвистических процессов в названных странах, можно с уверенностью сказать, что заявленная тема самым тесным образом связана с научными интересами безвременно ушедшего от нас Андрея Алексеевича.

2) Определение количества языков Намибии, как и большинства стран черной Африки, связано с методологической трудностью: в отсутствие кодифицированной нормы — или при молодой и не вполне устоявшейся кодифицированной норме — часто возникает принципиально неразрешимый вопрос о том, что перед нами: разные диалекты одного языка или разные близкородственные языки. (О критериях разграничения понятий «язык» и «диалект» применительно к более привычным случаям — см. например [Сикорский]). Языки Намибии обычно группируют в три общности: южнобантуские, германские и койсанские язы-